

УДК 81

DOI 10.18413/2075-4574-2018-37-3-422-428

К ПРОБЛЕМЕ «ДЕТСКИХ» ЗАИМСТВОВАНИЙ ВО ВЗРОСЛОМ ДИСКУРСЕ**TO THE PROBLEM OF «CHILD» BORROWINGS IN ADULT DISCOURSE****М.В. Найдёнова, И.А. Авилова, О.С. Сахарова**
M.V. Naidenova, I.A. Avilova, O.S. SakharovaБелгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: naidenova@bsu.edu.ru, ifedorova@bsu.edu.ru, olg-sakharova@yandex.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию взрослого дискурса, в котором используются заимствования из детской речи на материале иностранных языков. В тексте работы детально описывается структура детского дискурса на основе существующих концепций данного понятия. Осуществляется попытка выявить лингвистические и культурные корреляции между детским и взрослым дискурсами, объяснить их способы и механизмы. Авторами подробно рассматриваются элементы терминологического корпуса, отражающего номинации видов дискурса в соответствии с операционными разделами данного вида деятельности. Выявляются семиотические модели, базирующиеся на приемах редупликации и деформации нормативных языковых данных. Выдвигается гипотеза о компенсаторной роли заимствований в национальном дискурсе. Намечаются перспективы выявления лингвокультурологических и семиотических корреляций дискурсов рассматриваемого типа. В контексте развития данной теории важное место занимает исследование такого феномена, как детская языковая личность. В статье предпринята попытка сравнительного анализа компонентов, формирующих языковую личность и детерминирующих различия между языковой личностью ребёнка и языковой личностью взрослого. Небезынтересен тот факт, что в рамках настоящего исследования феномен детской языковой личности изучается не только с позиций лингвистики, но и психологии и психолингвистики.

Abstract

The purpose of this paper is to study the adult discourse, which uses borrowings from children's speech on the material of foreign languages. The structure of children's discourse on the basis of existing concepts of this concept is described. An attempt is made to reveal the linguistic and cultural correlations between children's and adult discourses. The elements of the terminological corpus reflecting nominations of types of discourse in accordance with the operational sections of this type of activity are considered. Semiotic models based on methods of reduplication and deformation of normative linguistic data are revealed. A hypothesis is advanced about the compensatory role of borrowing in national discourse. Prospects for revealing linguoculturological and semiotic correlations of discourses of the type in question are outlined. In the context of the development of this theory, an important place is occupied by the study of such a phenomenon as the children's linguistic personality. The article attempts to compare the components that form the linguistic personality and determine the differences between the linguistic personality of the child and the adult's linguistic personality. It is not without interest that in the framework of this study the phenomenon of the child's language personality is studied not only from the standpoint of linguistics, but also psychology and psycholinguistics.

Ключевые слова: дискурс, взрослый и детский дискурс, заимствование, лингвокультурология, семиотика, взрослая и детская коммуникация, дискурсная компенсация, лингвистическая идентификация личности.

Keywords: discourse, adult and children's discourse, borrowing, linguoculturology, semiotics, adult and children's communication, discursive compensation, linguistic identification of a person.

Введение

Между языком, национальной культурой и языковой личностью ребёнка прослеживается глубинная аналогия. Детская языковая личность – результат проявления внутреннего мира ребёнка в законченных высказываниях и текстах, в условиях национальной традиции их формирования. Ребёнок как никто другой зависит от окружающей его языковой культуры и является почти идеальным носителем её сущностных характеристик. Вместе с тем, нельзя не согласиться с мнением Н.Л. Тухарели о том, что «ребёнок – это особый тип языковой личности, формирующий свой, особый взгляд на мир и на себя в этом мире. Образ мира, запечатленный в языке детей, во многом отличается от «картины мира» взрослых носителей языкового сознания, что объясняется свойствами мышления детей, своеобразием их мироощущения и мировосприятия» [Тухарели, 2001; Фергюсон, 1975].

В современной лингвистике не ослабевает интерес к изучению феномена детской речи. Детский дискурс изучается в различных аспектах: психолингвистическом [Piaget, 1926; Выготский 1930; Лурия 1940; Горелов, Седов, 2001], структурно-коммуникативном [Якобсон 2001; Nielsen, Christie, 2008], когнитивно-коммуникативном [Уфимцева 1993; Rochat, 2001], конструктивистском [Цейтлин 2000; Тухарели 2001] и др. Объектом исследования поочередно становятся фонетика, морфология и синтаксис детской речи. Данные аспекты хорошо изучены как в отечественном, так и в зарубежном языкознании [Delamotte, Akinci, 2012]. При этом проблематика заимствований из детской речи не получила должного освещения в лингвистической литературе. Следует отметить, что публикаций по данной тематике также очень мало [Фергюсон, 1975; François, 2004].

Лингвистика начала XXI века требует интегративных подходов к исследованию языкового материала, в частности, учёта его эмоциональной составляющей. Обращение к данной проблематике связано с изучением вопросов, направленных на анализ языка в процессе его функционирования в различных видах речевой деятельности, связанных в частности с явлением эмоционального заимствования взрослыми детских форм речи [Седых, 2009].

Основная часть

Основная функция связной речи (как взрослых, так и детей) – коммуникативная. При этом речь взрослых – это основной источник, из которого дети получают образец родного языка, культуры родной речи [Седых, 2010; Bastide, Joigneaux, 2014]. Вместе с тем детская речь, словообразовательные явления данного типа речи представляют собой адекватный материал для формирования акцентуированного дискурса взрослых. Авторы данной статьи ставят перед собой задачу наметить пути исследования взрослого дискурса, характеризующегося активным использованием детского словообразования на материале французского языка.

Речь ребёнка формируется (особенно на начальном этапе) в процессе каждодневного общения с родителями и близкими, поэтому обыденный регистр коммуникации может быть рассмотрен в качестве ключевого для исследования детского дискурса [Vion, 2008]. По мысли В.И. Карасика, «бытовой дискурс в максимальной степени близок к детской речи: говорящий уверен, что адресат должен понять его в любом случае» [Карасик, 2002].

Одним из наиболее распространенных способов словообразования в языке детей, как известно, является редупликация (удвоение) слов или слогов (*fr.* redoublement,

réduplication, gémination). Потребность в повторах возникает у ребенка на самых ранних стадиях развития. Первые слова «мама», «папа», «баба» (*fr. tatan, papa, mémé*), произносимые малышом, выступают прообразом будущего словотворчества. Подражательные механизмы детской психики играют здесь не последнюю роль.

В процессе общения с детьми взрослые также используют прием удвоения, обладающий экспрессивно-эмоциональной окраской нежного чувства к малышу. Так, французские родители сопровождают жест (или имитацию жеста) щекотания словами «*guili-guili*», «*gouzi-gouzi*». Удвоение слогов присутствует и в колыбельных песнях: русское «*bai-bai*», французское «*dodo*», английское «*hush, hush*».

Общение взрослых друг с другом также отмечено приемами редупликации. Вполне возможно, что детская потребность в языковых повторах как способах поддержания психического комфорта и равновесия сохраняется и во взрослом возрасте. В нашем неустойчивом и ожесточенном мире языковые удвоения выступают, с одной стороны, в качестве эмоциональных «подпорок» для психической структуры личности и, с другой стороны – как симптомы коллективного бессознательного, которое находит свое воплощение в этнокультурной специфике языковой картины мира.

С давних времен во французском языке существуют слова, «заимствованные» из детской речи. Так, Академический словарь приводит этимологию целого ряда слов, пришедших из языка детей или образованных по принципам детского словообразования. Эти слова не вышли из употребления и по сей день:

Nanan – *разг.* 1) *детск.* лакомство 2) «конфетка», заманчивая вещь; отборное; самый смак [ABBYU Lingvo x3, 2009]. (XVII siècle) Mot du langage enfantin. Terme collectif désignant des friandises, des sucreries. *Si vous êtes sages, vous aurez du nanan. fig. et fam.* Se dit plaisamment de quelque chose de facile, d'agréable, de ce qui procure un vif plaisir. *Lisez cela, c'est du nanan* (XVII век. Слово из детского языка. Собирательный термин, обозначающий лакомства, сласти. *Если вы будете послушны, то получите «нанан».* *перен. и разг.* В шуточной форме обозначает что-то легкое, приятное, то, что доставляет живое удовольствие. *Прочитайте, это такой «нанан»*) [Dictionnaire de l'Académie].

Bobo – 1) *детск.* боль, больное место 2) царапинка, небольшой ушиб *ce n'est qu'un* ~ это пустяк, до свадьбы заживет [ABBYU Lingvo x3, 2009]. (XV siècle) Terme expressif du langage enfantin. *fam.* Douleur physique (XV век. Экспрессивный термин из детского языка. *разг.* Телесная боль) [Dictionnaire de l'Académie].

Bonbon – конфета. (XVII siècle) Redoublement enfantin de bon. Petite friandise à base de sucre (Детская редупликация «хороший, вкусный». Небольшое лакомство на сахарной основе) [Dictionnaire de l'Académie].

Cocotte – 1) *детск.* курочка 2) *разг.* кокотка; женщина легкого поведения 3) цыпоська (ласкательное обращение); милочка [ABBYU Lingvo x3, 2009]. (XVIII siècle) Terme expressif de formation onomatopéique. Dans le langage enfantin, poule, par imitation du gloussement (XVIII век. Экспрессивный термин по ониматопозитической модели. В детском языке обозначает «курочка» на основе имитации кудахтанья) [Dictionnaire de l'Académie].

Современный разговорный дискурс французов изобилует образцами детской речи, в частности, редупликативными словообразовательными моделями [Mercer, Littleton, 2007]. Данный феномен, формально основанный на подражании, с семиотической точки зрения не является простым подражанием.

Семиотика характеризует любой повтор как «означающую практику» (...) «отсылающую нас к различным областям культуры, в виде отправных пунктов того или иного кода» [Барт, 1994, р. 429]. В нашем случае речь идет о двух типах повторов: а) «повтор» как рекуррентное явление (частотность и вариативность детской лексики в речи взрослых); б) «повтор» как способ словообразования (удвоение слов и слогов).

Приведем ряд примеров «взрослого» арготического узуса, основанных на принципе редупликации:

Bibi – moi (*C'est à Bibi, ça!*); *Boum-boum* – Paris; *Coco* – communiste; *Coucou* – pendule (montre) à la con; *Didi* – doigt; *Doudou* – blackette un peu enveloppée; *Fafa* – facho; *Fifi* – oiseau; *Lolo* – lait, Ferrari; *Moit moit* – cinquante-cinquante.

Для современного французского языка также свойственно частое употребление приема удвоения слога по отношению к именам собственным (прагматические цели: уничижение, ирония, гипокористичность):

Chichi – Chirac; *Gégé* – Depardieu; *Dada* – Daniel; *Dédé* – André; *Dodo* – Dolorès, Dotothée; *Fafa* – Fabien, Fabienne; *Fifi* – Philippe; *Jojo* – Georges; *Lolo* – Lolobridgida; *Momo* – Maurice, Mohamed, Monique; *Roro* – Robert; *Vévé* – Véronique; *Yoyo* – Lionel.

Характерной чертой речи малышей является «лепетание», то есть невнятное, неправильное произнесение слов и предложений. Данный феномен также присутствует во взрослом дискурсе и носит неблагозвучное наименование «сюсюканье» (англ. *to slop*; фр. *zézaiement*). В первую очередь, это манера говорения, когда взрослые подделываются под речь маленького ребенка с аффективной установкой приблизиться к уровню его произношения. Например, замена шипящих звуков свистящими и наоборот: *мамасы* = мамаша; *папасы* = папаша; *сяпочка* = шапочка; *слюбка* = шубка и пр. Нас интересует прежде всего «лепетание» взрослых французов с целью передачи ироничного (до издевательского) отношения говорящего к предмету разговора.

Французы имеют в своем распоряжении целый арсенал средств для имитации детского лепетания. Приведем ряд наиболее распространенных приемов деформации лексики: *bozou* = bonjour; *peussieu* = monsieur; *le zami* = l'ami; *dézà* = déjà; *pati* = parti; *pouka* = pourquoi; *mazé* = manger; *avé* = avec; *paque* = parce que; *râtrer* = rentrer; *mizon* = maison; *cavaillé* = travailler; *ché* = cher; *touzou* = toujours; *pou* = pour; *coba* = comment; *mizelle* = mademoiselle.

Речь здесь идет о «пародийном» произнесении нормативных слов в типичных ситуациях общения во французской речевой культуре, к которым можно отнести, например, традиционные фреймы «разговор двух влюбленных», «разговор супругов», «общение со старыми людьми» или «общение с домашними животными».

Длительное наблюдение за речью французов наводит на мысль о семиотических кодах (моделях), лежащих в основе социального поведения человека [Седых, Куган, 2017]. Предлагается выделить следующие семиотические коды, коррелирующие с фактом присутствия образцов детского языка в речи взрослых:

1. Инфантилизм как аффективная привязанность к детству, проявляющаяся в употреблении детских слов для обозначения «неприличных» явлений, касающихся естественных отпавлений организма и сексуальности: *pipi, casa, cucul, zizi*. Коррелирует с неагрессивной манерой речи и коммуникации.

2. Регрессионность – зависимость от статуса собеседника, подстраивание под настроение коммуниканта. Например, говоря о собаке: *coucouche panier, papattes en rond*.

3. Интенсификация как акцентуация признака. Например, для подчеркивания малых размеров референта (*bibi* = petit chapeau) или женской фривольности (*froufrou, nøud-nøud, troutrou, chichi*). Очень часто передается при помощи повтора первого слога уже существующего слова (*mimi* = mignon, *jojo* = joli).

4. Эвфемистичность – смягчение критического отношения к референту: *bébête* = un peu bête, *sosotte* = un tantinet sotté, *munuche* = une jeune fille peu dégourdie. Стратегия «сглаживания углов» этимологически соотносится с запретами взрослых по поводу произнесения «некрасивых слов».

5. Невысказанность как сочетание нечленораздельных звуков, похожих на лепет ребенка, абсолютная немотивированность знака: *zinzin* = un peu fou, bizarre; *gaga* = gâteaux; *gnangnan (gnognotte)* = mou, sans énergie. Коррелирует с детской нехваткой словарного запаса и использованием десемантизированных структур.

6. Пейоративность – коррелирует со сходным арготическим приемом: *bouiboui* = maison de prostitution; café mal famé; *coco* = individu douteux; adhérent du parti communiste; *gogo* = individu crédule. Подчеркнутое отрицательное отношение к референту. Соотносится с детским максимализмом в оценке происходящего.

7. Ирония как защитная реакция на агрессивность собеседника или стратегия, передающая ласково-ироничное отношение к предметам и явлениям окружающей действительности. Прагматическая цель – снятие негатива, осознанное придание речи интимно-ласкового тона: *Mon cher époux a-t-il bien travaillé – Eh oui! Cavaillé!, Beaucoup cavaillé! Touzou cavaillé, pou gagner sou-soupe à dadame et bébé.*

Одними из характерных признаков французской коммуникации являются «дистантность, косвенность, конвенциональность, индивидуализм» [Седых, 2013]. Мы выдвигаем гипотезу о том, что детские модели словообразования во взрослом дискурсе отражают соответствующие механизмы коммуникативного поведения и могут быть рассмотрены как компенсации общенациональных (в нашем случае французских) «отторгающих» типологических принципов коммуникации.

Известны две глобальные стратегии речевой коммуникации:

1. Стратегия подчинения себе собеседника (деконструктивность, противопоставление).

2. Стратегия взаимодействия (конструктивность, корпоративное сотрудничество).

Детская коммуникация в высшей степени конструктивна, тогда как взрослая – преимущественно деконструктивна. В этом смысле сам факт употребления в речи взрослых детских слов и выражений (или их имитация) повышает интеракционный потенциал взрослого дискурса.

Выводы

Предполагается, что детские вкрапления в речи взрослых вербализуют амбивалентные признаки стратегических установок коммуниканта: внешнюю (утрированную) конструктивность и подсознательное подчинение себе собеседника. В рамках приведённых стратегий мы предлагаем использовать следующую операциональную схему речевых тактик, базирующихся на принципе бинарных оппозиций: индивидуальность / коллективность; дистантность / контактность; прямота / косвенность; конвенциональность / безусловность.

Названия речевых тактик манифестируют принципы коммуникативного поведения, которые не всегда осознаются представителями языковых сообществ, но имеют конкретные и поддающиеся анализу формы языкового выражения. Используя методику лингвистической идентификации личности, представляется возможным описать особенности употребления «детских» приемов лексики во взрослом дискурсе с целью выяснения тактических предпочтений, что послужит эпистемологическим основанием для создания лингвистической модели когнитивно-коммуникативной категории «детскость». Напомним, что в задачи данной статьи не входит исчерпывающее исследование рассматриваемого феномена. Вышеуказанные материалы рекомендуется трактовать главным образом в плане постановки перспективных задач.

Итак, детский дискурс как часть взрослого дискурса, обладает всеми чертами парадоксального существования: с одной стороны его как бы нет, так как детский дискурс изначально принадлежит детскому миру и в строгом смысле слова должен рассматриваться с позиций именно детской речи, с другой – функционируя во взрослой речи, он неотделим от языкового мышления и лингвopsихологии «взрослого» универсума. Иначе говоря, детский формат «аллофонного» дискурса представляет собой широкое поле для исследования дополнительных параметров лингвокреативной активности индивида.

Список литературы

References

1. Барт Р. 1994. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 429.
Bart R. 1994. *Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Moscow, Progress, 429. (in Russian)
2. Выготский Л.С. 1930. Развитие высших форм поведения в детском возрасте. Психоневрологические науки в СССР. М., Медгиз: 138–139.
Vygotskij L.S. 1930. *Razvitie vysshih form povedenija v detskom vozraste* [Development of higher forms of behavior in childhood]. *Psihonevrologicheskie nauki v SSSR*. Moscow, Medgiz: 138–139. (in Russian)
3. Горелов И.Н., Седов К.Ф. 2001. Основы психолингвистики. Учебное пособие. Третье, переработанное и дополненное издание. М., Лабиринт, 304.
Gorelov I.N., Sedov K.F. 2001. *Osnovy psiholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. *Uchebnoe posobie. Tret'e, pererabotannoe i dopolnennoe izdanie*. Moscow, Labirint, 304. (in Russian)
4. Карасик, В.И. 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, Перемена, 476.
Karasik, V.I. 2002. *Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena, 476. (in Russian)
5. Лурия А. Р. Учение об афазии в свете мозговой патологии. Височная афазия. М., 1940.
Lurija A. R. *Uchenie ob afazii v svete mozgovoj patologii. Visochnaja afazija* [The doctrine of aphasia in the light of cerebral pathology. Temporal aphasia]. Moscow, 1940. (in Russian)
6. Седых А.П. 2009. Лингвистические основы идиоэтнической интерпретации языковой личности. Вопросы филологии. № 3 (30). М., Российская академия лингвистических наук, Институт языкознания РАН: 31-38.
Sedyh, A.P. 2009. *Lingvisticheskie osnovy idiojetniceskoj interpretacii jazykovoj lichnosti* [Linguistic basis of idioethnic interpretation of a language personality]. *Voprosy filologii*. № 3 (30). Moscow, Rossijskaja akademija lingvisticheskikh nauk, Institut jazykoznanija RAN: 31-38. (in Russian)
7. Седых А.П. 2010. Русско-французский словарь: профессиональная и быденная коммуникация. М.,Флинта: Наука, 168.
Sedyh A.P. 2010. *Russko-francuzskij slovar': professional'naja i obyden'naja kommunikacija* [Russian-French dictionary: professional and everyday communication]. Moscow, Flinta: Nauka, 168. (in Russian)
8. Седых А.П. 2013. Французская языковая личность. Когнитивно-коммуникативный аспект: моногр. Белгород: ИД «Белгород», 244.
Sedyh, A.P. 2013. *Francuzskaja jazykovaja lichnost'. Kognitivno-kommunikativnyj aspekt* [French language personality. Cognitive and communicative aspect]. Belgorod: ID «Belgorod», 244 (in Russian)
9. Седых А.П., Куган Е.И. 2017. Борис Пастернак и Марсель Пруст: лингвоперсонологический аспект: монография. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 172.
Sedyh A.P., Kugan E.I. 2017. *Boris Pasternak i Marsel' Prust: lingvopersonologiceskij aspekt* [Boris Pasternak and Marcel Proust: lingvopersonological aspect]: monografija. Belgorod: ID «Belgorod» NIU «BelGU», 172. (in Russian)
10. Тухарели Н.Л. 2001. Имена «вещей» в детской языковой картине мира. Русский язык: исторические судьбы и современность: Межд. Конгресс исследователей рус. яз. М.: 316.
Tuhareli N.L. 2001. *Imena «veshhej» v detskoj jazykovoj kartine mira* [Names of «things» in the children's language picture of the world]. *Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'*: Mezhd. Kongress issledovatelej rus. jaz. Moscow: 316. (in Russian)
11. Уфимцева Н.В. 1993. Человек и его сознание: проблема формирования. Язык и сознание: парадоксальная рациональность. Сб. науч. тр. М.: 59-76.
Ufimceva N.V. 1993. *Chelovek i ego soznanie: problema formirovanija* [Man and his consciousness: the problem of formation]. *Jazyk i soznanie: paradoksal'naja racional'nost'*. Sb. nauch. tr. Moscow: 59-76. (in Russian)
12. Фергюсон Ч. 1975. Автономная детская речь в шести языках. Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М.: 422-440.
Fergjuson Ch. 1975. *Avtonomnaja detskaja rech' v shesti jazykah* [Autonomous children's speech in six languages]. *Novoe v lingvistike. Vyp. VII. Sociolingvistika*. Moscow: 422-440.
13. Цейтлин С.Н. 2000. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М., Владос, 240.

- Cejtlin S.N. 2000. Jazyk i rebenok. Lingvistika detskoj rechi [Language and child. Linguistics of children's speech]. M., Vldos, 240. (in Russian)
14. Якобсон Р.О. 2001. В поисках сущности языка. Семиотика. М.: 111–126.
Jakobson R.O. 2001. V poiskah sushhnosti jazyka [In search of the essence of language]. Semi-otika. M.: 111–126. (in Russian)
15. АБВУ Lingvo x3. 2009. Multilingual Plus v7 PC.
16. Bastide I., Joigneaux G. 2014. Littérature précoce, albums et lectures partagées à l'école maternelle. Spirales, 53: 9–19.
17. Delamotte R., Akinci, M.-A. 2012. Récits d'enfants. Développement, genre, contexte. Monts: Presse universitaire de Rouen et du Havre.
18. Dictionnaire de l'Académie. URL: <http://www.academie-francaise.fr/dictionnaire> (дата обращения: 16.11.2017).
19. François F. 2004. Enfants et récits: mises en mots et «reste». Villeneuve d'Ascq: Presses universitaires du Septentrion.
20. Mercer N., & Littleton K. 2007. Dialogue and the development of children's thinking: A socio-cultural approach. London: Routledge. (in UK)
21. Nielsen M., & Christie T. 2008. Adult modeling facilitates young children's generation of novel pretend acts. *Infant and Child Development*, 17(2), 151–162.
22. Piaget J. 1926. La représentation du monde chez l'enfant (2003, 6ème ed.). Paris: Presses Universitaires de France. (in France)
23. Rochat P. 2001. The infant's world. Cambridge: Harvard University Press. (in UK)
24. Vion R. 2008. De la complexité des positionnements dans l'interaction verbale. In R. Delamotte-Légrand, C. Hudelot, & A. Salazar Orvig (Eds.), *Dialogues, mouvements discursifs, significations*: 31–48.